

На правах рукописи

Пузанов Даниил Викторович

**ПРИРОДНЫЕ ЯВЛЕНИЯ В САКРАЛЬНОЙ КАРТИНЕ МИРА НА-
РОДОВ ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЫ IX–XIII ВВ. (ПО МАТЕРИАЛАМ
ПИСЬМЕННЫХ ИСТОЧНИКОВ)**

07.00.07 – Этнография, этнология и антропология

АВТОРЕФЕРАТ

**диссертации на соискание ученой
степени кандидата исторических наук**

Ижевск, 2017

Работа выполнена в Удмуртском институте истории, языка и литературы
Уральского отделения Российской академии наук.

Научный руководитель: **Загребин Алексей Егорович** – доктор исторических наук, профессор РАН (г. Ижевск).

Официальные оппоненты:

Чагин Георгий Николаевич – доктор исторических наук, профессор, Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Пермский государственный национальный исследовательский университет», кафедра древней и новой истории России, заведующий (г. Пермь).

Салмин Антон Кириллович – доктор исторических наук, ФГБУН «Музей антропологии и этнографии имени Петра Великого (Кунсткамера)» Российской академии наук, отдел этнографии восточных славян и народов европейской части России, ведущий научный сотрудник (г. Санкт-Петербург).

Ведущая организация: Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Санкт-Петербургский государственный университет» (г. Санкт-Петербург).

Защита состоится 19 декабря в 10.00 часов на заседании диссертационного совета Д.999.171.03 при ФГБОУ ВО «Удмуртский государственный университет» по адресу: 426034, г. Ижевск, ул. Университетская, 1, корпус 2, ауд. 407.

С диссертацией можно ознакомиться в научной библиотеке ФГБОУ ВО «Удмуртский государственный университет» по адресу: 426034, г. Ижевск, ул. Ломоносова, д. 4Б и на сайте <http://dissovet.udsu.ru/board/dm-212-275-01>. Электронная версия автореферата и объявление о защите размещены на официальных сайтах ВАК Министерства образования и науки РФ <http://vak.ed.gov.ru> и Удмуртского государственного университета <http://dissovet.udsu.ru/board/dm-212-275-01>.

Автореферат разослан « ____ » _____ 2017 г.

Ученый секретарь диссертационного совета,
канд. ист. наук, доцент

Г.Н. Журавлева

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Актуальность темы. Эволюция отечественной этнографии в сторону сближения с западными традициями социальной антропологии предопределила устойчивый интерес к изучению духовной культуры, картины мира, менталитета. Реконструируются социальные и этнические стереотипы, быт и обычаи. Восприятию природных явлений при этом уделяется недостаточное внимание, несмотря на то, что среда обитания является неотъемлемой частью ойкумены человека. Более того, некоторые исследователи, небезосновательно, представлениям о природе отводят центральное место в этнической картине мира.

Многие современные представления о природе содержат напластования убеждений, возникших в разное время, в том числе в далекую языческую эпоху. Анализ воззрений о явлениях природы народов Восточной Европы на начальном этапе распространения в регионе авраамических религий позволит понять этапы и векторы взаимодействия монотеизма с традиционными культурами, с одной стороны, и выявить некоторые общие представления о природе у разных народов региона в Средние века – с другой.

Обращение к разноэтничному материалу с целью реконструкции представлений человека прошлого необходимо для более глубокого осмысления проблемы и максимально возможного извлечения информации из имеющихся в нашем распоряжении скудных источников. Зачастую ученые, пытаясь понять то или иное явление средневековья, оказываются в плену определенного круга воззрений, которые, по их мнению, господствовали в изучаемом обществе. Не важно, идет ли речь о событии-прототипе поздних фольклорных представлений или отражении религиозных догм. Действительное положение вещей все равно было сложнее, чем наши представления о константах средневековой культуры а priori. И выход из данной проблемы возможен только при расширении социокультурного контекста.

Эпоха политогенеза при этом делает центральной не только проблему взаимоотношений традиционных культов и мировых религий. По сути, создание государства – это преодоление узкой, родоплеменной картины мира и замена ее на более широкую, государственную или даже надгосударственную. Поэтому исследование обширного региона – вполне оправданное и полезное расширение контекста. Такая постановка проблемы позволяет не только обнаружить следы этнокультурного взаимодействия в Восточной Европе в средневековую эпоху, но также выявить типологические параллели в развитии обществ, формирующихся в схожих социальных, исторических и культурных условиях.

Помимо научной работа имеет общественную актуальность. В современном мире наблюдается рост религиозности и традиционализма. На территории Восточной Европы эти процессы осложняются духовным кризисом, обусловленным трансформацией общественных парадигм. Обстоятельства переходного периода настоящего заставляют нас обратиться к схожим ситуациям в нашем прошлом.

Объект данного исследования – сакральная картина мира у народов Восточной Европы. Представления диссертанта о картине мира базируются на трудах Р. Редфилда (картина мира как объективная реальность¹) и Д.Б. Зильбермана (картина мира как символическая сторона эффективных коммуникаций²). Под сакральной картиной мира понимается нормативно-знаковая сторона эффективных коммуникаций, система ценностей и общих правил поведения и смыслотворчества, воспроизводящая веру человека в сверхъестественное.

Предмет исследования – отражение природных явлений в сакральной картине мира народов Восточной Европы IX–XIII вв. На пересечении естественной среды обитания и сакральной картины мира образуются представления о явлениях природы, которые и анализируются в данной работе.

Территориальные рамки исследования определяются границами Восточной Европы: под этим термином понимается ареал европейской части бывшего СССР (Восточно-Европейская равнина). Анализируются представления населения раннегосударственных (Хазарский каганат, Волжская Булгария, Русь, Ливония) и племенных объединений региона, о которых сохранились письменные свидетельства. Крымский п-ов, рано попавший в сферу влияния античной цивилизации, не исследуется.

Хронологические рамки: *Нижняя граница* – IX в.: начальный период становления государств на территории Восточной Европы, включение региона в систему авраамической метацивилизации, возникновение новых письменных культур. *Верхняя граница* – XIII в., *монгольское завоевание*: крушение местных цивилизаций, изменение религиозного климата, начало кризисной фазы в мир-экономике, уничтожение автохтонной письменности для некоторых государств и кризис письма там, где оно сохраняется.

Степень разработанности темы. Некоторые аспекты проблемы нашли отражение в трудах исследователей, посвященных более общим темам. Отдельные представления о природных явлениях отражены в реконструкциях славянского язычества А.Н. Афанасьева, Д.О. Святского, В.В. Иванова и В.Н. Топорова. Средневековые протонаучные представления о естественной среде обитания исследовались Д.О. Святским, В.В. Мильковым, М.Н. Громовым, Г.С. Баранковой. На природные явления в контексте средневековой мифологии обращали внимание А.Н. Афанасьев, Н. Сенаторский, П.И. Мельников, Д.О. Святский, Д.К. Зеленин, Л.С. Грибова, Н.И. Толстой, В.Е. Владыкин, А.К. Салмин и др. Представления древнерусских христиан о природных явлениях как знамениях и Божьей каре изучались Н. Сенаторским, А.В. Лаушкиным, В.В. Долговым. На основе сообщений арабских авторов натуралистические воззрения народов Поволжья анализировались А.П. Ковалевским, А.Л. Монгайтом, А.Г. Юрченко. Однако до настоящего времени нет специальных трудов, содержащих комплексный ана-

¹Redfield R. The little community. Viewpoints for the Study of a Human Whole. Uppsala and Stockholm, 1955. P. 86.

²Зильберман Д.Б. К пониманию культурной традиции. М., 2015. С. 355-256.

лиз религиозных представлений народов Восточной Европы о природных явлениях.

Цель настоящего исследования – опираясь на сохранившиеся данные средневековых письменных источников, реконструировать представления о природных явлениях в контексте сакральной картины мира народов Восточной Европы IX–XIII вв.

Задачи работы:

1) реконструировать общие представления и правила, которые оказывали влияние на формирование натуралистического мировоззрения народов Восточной Европы;

2) предпринять попытку реконструкции воззрений на конкретные природные явления народов Восточной Европы (космологические, оптические, эколого-стихийные);

3) сопоставить выявленные представления друг с другом. По возможности определить их этническую и конфессиональную специфику.

Источниковая база. Решение поставленных задач потребовало привлечение обширного и разнообразного источникового материала. Основная масса используемых источников может быть разделена на три вида: словесные (используются два подвида – письменные памятники и фольклор), изобразительные и поведенческие.

Из письменных памятников используются древнерусские летописи, жития, слова и поучения, уставы, ливонские хроники, еврейско-хазарская переписка, болгарская поэма Кул Гали «Сказание о Юсуфе», священные книги, хадисы, сочинения отцов церкви, философские сборники и шестодневны, апокрифы, восточные, византийские, западноевропейские, скандинавские хроники, саги, исторические и географические сочинения.

Фольклорные источники включают в себя произведения народного эпоса, сказки и исторические придания, заговоры и заклинания, шаманские рисале. Как поведенческий источник в целях раскрытия некоторых аспектов мифо-ритуального мышления использовались поздние сообщения об элементах народной культуры. Из изобразительных источников анализировались книжные миниатюры и резьба Дмитриевского собора во Владимире. В работе также задействованы надписи на бересте и кости, которые имеют очевидные связи и с письменной традицией, и с культурой народных заклинаний. Кроме того, в работе они рассматривались и в качестве вещественных источников (амулетов).

Методология и методы. Исследование носит междисциплинарный характер и сочетает в себе элементы этнографии, медиевистики, источниковедения, социологии и этнопсихологии. В методологическом основании работы лежат общие принципы, называемые социально-антропологической методологией либо этнографическим (этнологическим) методом. При этом использовались элементы мир-системного подхода.

Поиск и сбор информации осуществлялись при помощи аудита и пополнения собственной информационной базы, кабинетных исследований, консультаций экспертов. Для обработки информации применялись различ-

ные методы группировки, типологический и статистический методы. Использовались следующие методы интерпретации: метод исторической реконструкции (школа «Анналов»), насыщенное описание (К. Гирц), структурно-семиотический метод (М.Ю. Лотман).

Из общенаучных методов наиболее активно задействовались сравнительный, генетический, ретроспективный и исторический. К письменным источникам применялся герменевтический анализ.

Научная новизна. Впервые в историографии осуществлен комплексный анализ представлений о явлениях природы народов Восточноевропейского региона домонгольского времени, что предопределило комплексное использование разных типов источников, созданных в разных частях Евразии.

Впервые Восточноевропейский регион рассматривается в рамках единой культурной системы, распространившейся в VII–XIII вв. на Европу, Северную Африку и Переднюю Азию. Эта система была названа авраамической метацивилизацией. Оставаясь в изучении процессов области духовной культуры на уже ставших традиционными позициях социальной антропологии, диссертант перенимает свойственный исследователям зависимого развития взгляд на монотеистические религии, как на продукт глобализации. По сравнению со схожими по тематике исследованиями в данной работе уделяется большее внимание динамике мировоззренческих трансформаций.

Новшеством является изучение представлений о природных явлениях (под которыми понимаются не природные циклы, а кратковременные изменения в естественной среде обитания) как единого феномена. Конкретные результаты исследования проявляются в оригинальных авторских реконструкциях представлений о природных явлениях и проделанной работе по выявлению возможных путей их формирования. Привлечение разноплановых источников позволило объяснить непонятные ранее места в средневековой литературе, а также проверить на достоверность уже существующие интерпретации исследователей.

В целом данная работа является первым обобщающим трудом по восприятию природных явлений народами Восточной Европы в IX–XIII вв.

Теоретическая и практическая значимость. Теоретическая значимость работы состоит в выработке оригинальных терминов и понятий. Разработанную автором терминологию можно использовать для изучения истории восточноевропейского региона IX–XIII вв., исследования процессов культурного обмена между авраамическими религиями и язычеством в VII–XIII вв., описания процессов формирования новой картины мира. Предложенные автором способы реконструкции представлений о явлениях природы также могут быть использованы в социально-антропологических и этнографических исследованиях.

В диссертации предложен оригинальный подход к описанию такого явления как «охота на ведьм» (далее – ОнВ). Исследование особенностей данного феномена в Восточной Европе IX–XIII вв., возможно, предоставит материал для понимания его эволюции в Западной Европе Нового Времени.

Имеет теоретическое значение, предложенное в диссертации разграничение языческих и монотеистических предзнаменований: знамений, примет, чудес.

Результаты работы могут быть использованы при создании обобщающих работ по этнографии Восточной Европы, истории народов России и истории русской культуры. Материалы и выводы исследования применимы для разработки курсов лекций, подготовки к семинарам, написания учебных пособий по исторической этнографии, культурной антропологии, этнопсихологии, истории Отечества, культурологии, религиоведению и теологии. Некоторые авторские интерпретации могут использоваться в целях популяризации науки: для написания научно-популярных монографий и статей, съемки документальных фильмов. Отдельные положения и выводы исследования могут использоваться в качестве дополнительного материала к школьному курсу не только гуманитарных и общественных, но и естественно-научных (например, астрономия³, физика, биология) дисциплин.

Положения, выносимые на защиту.

1. Языческие представления о способности отдельных категорий лиц (князя, умершие, жречество и духовенство) влиять на природные явления могли сохраняться и с принятием монотеистических религий, переосмысливаясь в категориях авраамической иерархии сверхъестественных существ и людей-чудотворцев. Один и тот же человек мог завоевать славу чудотворца в глазах и язычников, и последователей авраамизма.

2. Описание природных явлений в средневековых текстах не всегда было актуализировано воздействием сил природы. В тех случаях, когда аномалией выступает ирреальность противоборствующей конфессии, можно встретить особую форму проявления конструкта «о казнях и милостях Божьих», согласно которой природные явления карают не согрешивших соотечественников, а врагов «истиной веры». В регионах с наиболее суровым климатом сформировался взгляд на природные явления, близкий к пралогическому. Изменения в окружающей среде воспринимались эмоционально, в них видели особую сакральную силу, описание которой недопустимо использовать в качестве литературного тропа или в интересах политической борьбы.

3. В Восточной Европе существовало два разных по своей сущности явления, которые называют в литературе «охотой на ведьм»: 1) вооруженное соперничество между авраамизмом и язычеством; 2) расправы над людьми которые, как верили, негативно влияли на природу. ОнВ в последнем значении в рассматриваемый период способствовала сплочению коллектива вокруг общинных институтов на старой, языческой базе первобытного права. Поэтому власть и духовенство, как правило, выступали против подобных ОнВ. Монотеистическая ОнВ, чаще всего, сводилась к подавлению языче-

³В Удмуртской Республики имеется ценный опыт создания методических указаний для учителей, которые содержат подсказки педагогу о том, каким образом можно использовать этнографический материал в рамках естествознания (*Гатаулина А. И., Никулина Е. А. Астрономические воззрения удмуртов (дополнительный материал к школьному курсу «Астрономия»*). Ижевск, 1993).

ских восстаний. Смещение языческой и монотеистической ОнВ наблюдалось лишь в тех случаях, когда общинные институты осуществляли властные полномочия в рамках новой, государственной системы права либо когда общество было близко к родоплеменной стадии развития.

4. Важную роль в окказиональных обрядах средневековья играла магия «чужого» этноса, которая считалась могущественнее своей. Существовали народы, которые завоевали себе репутацию особых колдунов. Имеются основания предполагать, что такой славой пользовались некоторые финно-угорские народы.

5. Предзнаменования в глазах язычников и последователей авраамизма часто носили обратимый характер. Язычники воспринимали предзнаменования преимущественно как приметы. В авраамизме, в отличие от политеизма, главный смысл знамений сводился к подтверждению истинности религии.

6. Культ громовержца-судьи формировался в Восточной Европе не без влияния авраамической и иранской традиций. Громовержец у многих народов Восточной Европы был борцом с демонами, болезнями, но не судьей в более позднем понимании этого слова.

7. Миф о небесном сражении двух отрядов, зафиксированный Ибн Фадланом в Поволжье, мог быть отражением народной мифологемы северного сияния – как вечной битвы погибших от меча героев. Распространенное в историографии положение, согласно которому схожие мифологемы были известны древнерусским книжникам, не находит подтверждения в письменных источниках. Возникновение самого мифа могло быть следствием симбиоза финно-угорской и северно-германской культур Скандинавии. В Поволжье, вероятно, его принесли финно-угры либо викинги.

8. На восприятие сложных гало в Восточной Европе оказывали влияние авраамический конструкт о световой природе святости и традиционная световая символика правителя. В Древней Руси с представлениями о световом столпе (форма гало) смешивались библейские воззрения на огненный столп. Гало могло восприниматься как символ правителя, знамение, связанное с его судьбой, или знак всякой качественной перемены.

9. Эсхатологические представления могли повлиять на восприятие таких явлений, как затмения, звездопады, землетрясения, нашествия саранчи и др. Распространенная в отечественной историографии тенденция рассматривать упоминание всех этих явлений как свидетельство всплесков чаяний конца света не находит подтверждения. Даже явное использование книжником эсхатологической символики не всегда свидетельствует об ожидании им конца света.

Степень достоверности и апробация.

Достоверность результатов исследования подтверждается достаточно полной подборкой привлекаемых источников и широтой контекста, в котором рассматривались изучаемые явления. Основные выводы работы были сопоставлены с выводами исследователей смежных дисциплин.

По исследуемой проблематике опубликовано 5 статей в журналах, входящих в список рекомендованных ВАК. 1 статья в научно-популярном журнале и 19 статей и тезисов в сборниках конференций различного уровня.

Ряд положений и выводов диссертационного исследования были апробированы на международных (г. Белгород 2012, 2013; г. Киев 2012; Будапешт 2013; г. Москва 2013, 2016; г. Казань 2013; г. Екатеринбург 2015; г. Ижевск 2013, 2014, 2015, 2016), всероссийских (г. Тобольск 2012; г. Санкт-Петербург 2013; г. Уфа 2015), вузовских (г. Ижевск 2011) конференциях; очных этапах всероссийских конкурсов научных работ (г. Москва 2013, 2015); спецсеминарах (г. Ижевск).

Структура работы. Диссертация содержит введение, три главы, заключение, список используемых источников и литературы. Приложения вынесены во второй том.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Во **введении** обосновывается актуальность работы. Раскрывается объект, предмет, хронотоп исследования. Дается оценка степени разработанности темы. Выделяются проблема, цели и задачи исследования. Анализируется источниковая база. Вырабатывается методология исследования. Обосновывается научная новизна работы, теоретическая и практическая значимость. Выносятся 9 положений на защиту. Дается оценка степени достоверности исследования.

В **первой главе** «*Природные явления в онтологиях народов средневековой Восточной Европы*» анализируются базовые мировоззренческие конструкты, влиявшие на интерпретацию средневековым человеком Восточной Европы тех или иных природных явлений.

Первый параграф «*Этноконфессиональная ситуация в Восточной Европе в IX–XIII вв.: конфликт традиционных и монотеистических культов*» посвящен анализу общей мировоззренческой ситуации в регионе в IX–XIII вв. Дается краткая характеристика протекавших экономических, политических и духовных трансформаций в регионе. Проводится сравнительный анализ обстоятельств крещения Руси, иудаизации Хазарии и исламизации Волжской Булгарии. Обосновывается правомерность изучения средневековой Восточной Европы как единого культурного региона.

Во **втором параграфе** «*Боги, ангелы, демоны и джины как духи природных явлений*» раскрываются представления народов Восточной Европы о духах природных явлений. Согласно языческим представлениям природными явлениями управляли боги и низшие духи. Политеистические демоны сливались с посвященными им идолами и явлениями, которыми они управляли. В то же время четкого разграничения функций демонов в язычестве не существовало. Одно и то же явление, как верили, могло быть результатом воздействия разных существ. К тому же представления о функциях того или иного божества могли различаться в каждом племени той или иной этнолингвистической группы.

Отношение монотеизма к представлениям об управлении природными явлениями низшими духами было двойственным. С одной стороны, антропоморфизация природных процессов была опасной для авраамизма, так как она вела к обожествлению естественной среды обитания. Любыми процессами в мире, в том числе природными явлениями, согласно авраамистическим религиям, управляет в конечном счете Бог. С другой стороны, Господь мог проявлять свою волю опосредованно, через своих слуг – ангелов. Некоторые христиане, как и иудеи, и мусульмане, верили, что к конкретным природным явлениям приставлены определенные ангелы – слуги (ключники).

Если возможность управления силами природы со стороны ангелов авраамизмом в целом могла допускаться, то с демонами все обстояло намного сложнее. Поставив себя в оппозицию к Богу, бесы лишились источника своей силы. Для исследуемого хронотопа характерны представления о демонах – как о довольно беспомощных существах, обладающих способностями разве что внушения и предсказания будущего. Природой, как правило, в книжных авраамических представлениях того времени бесы управлять не могли. Зато такие представления были актуальны в народной среде.

В **третьем параграфе** «*Влияние людей на природные циклы*» рассматривается вера средневековых народов Восточной Европы в способность некоторых людей управлять явлениями природы. Собственно Восточно-Европейские средневековые источники не богаты сообщениями о влиянии человека на природные явления. Большинство из них писалось христианами, скептически относившимися к способностям людей воздействовать на природные процессы. Однако сообщения соседей, поздние этнографические свидетельства, археологические находки позволяют говорить, что народы Восточной Европы не были лишены веры в способность чародеев влиять на естественную среду обитания.

С распространением монотеизма появилась новая категория людей, которые, как верили язычники, способны влиять на природные процессы. Это было духовенство монотеистических религий. Интересно, что один и тот же человек мог завоевать репутацию чудотворца и у язычников, и у последователей монотеизма.

Кроме духовенства, жречества и колдунов на природные процессы в традиционных представлениях могли влиять правители и знать. Так же как и колдун, правитель, согласно языческим воззрениям, мог приносить после смерти и пользу, и вред. Авраамизм допускал возможность воздействовать на природу через правильно организованную службу Богу.

В авраамических религиях на природные явления были способны влиять праведники, святые, правители. Способность влиять на явления природы после смерти в авраамических религиях переносится на святых и праведников. На простых покойников или умерших колдунов, вероятно, способность влиять на природные явления в авраамизме Восточной Европы не распространялась.

В народной культуре широко распространено представление, согласно которому колдуны чужого этноса более могущественны. Подобные воззре-

ния, вероятно, были характерны для народной культуры и в Средние века. Иногда определенный этнос завоевывал особую славу искусных чародеев. Есть основания полагать, что такой славой пользовались некоторые финно-угорские народы.

В четвертом параграфе «Природные катаклизмы и «охота на ведьм»» анализируются факты гонений на колдунов в Восточной Европе. Выделяются четыре идеальных типа явления. В основе каждого типа лежит мотив, заставляющий преследовать колдунов:

1. СВ – своеобразная «внутренняя священная война» связана с представлением о греховности колдовства в авраамических религиях;
2. ВК – в основании расправ лежит вера во вредительство при помощи колдовства;
3. ПФ – психологический феномен, поиск «козла отпущения» во время социальных бедствий;
4. ДП – связана с нарушением норм и предписаний (девиантным поведением) членом коллектива, которое, согласно верованиям, могло повлиять на погоду⁴.

Отмечается, что в исследуемом хронотопе существовало два разных по своему происхождению и содержанию явления, называемых в научной литературе «охотой на ведьм». Первое явление представляло из себя архаичный суд (самосуд) над человеком, который, как думали окружающие, явился причиной общественных несчастий. Основной предпосылкой для разворачивания такой ОнВ (ВК:ПФ) были вредоносные разрушительные катаклизмы.

Разные этносы могли заимствовать друг у друга методики расправы над колдунами. Например, способы охоты на ведьм у ливов имеют явные черты индоевропейской обрядности. Соседние с ливами эсты, кажется, напротив, больше следовали в этом деле конструктам собственной культуры. Так как одной из предпосылок ВК:ПФ являются стихийные аномалии, приводившие к голоду, то источники в основном сохранили свидетельства о таких расправах в регионах, сильно зависящих от изменения климата. Кроме того, ВК:ПФ часто разворачивались в зонах этнокультурных контактов. Это, возможно, объясняется тем, что, с одной стороны, полиэтнический состав населения усиливал взаимную подозрительность, с другой – в окказиональных обрядах иногда требовалось участие представителя чужого этноса.

ВК:ПФ в основном осуществлялась силами самого коллектива. В тот период она способствовала консолидации общества на старой, родоплеменной и языческой базе. Подобные самосуды покушались на функции, уже переданные новой, государственной власти. Поэтому ВК:ПФ, как правило, осуждалась авраамическими религиями. Авраамическая ОнВ проявлялась преимущественно в подавлении языческих восстаний и была в исследуемый период, как правило, чужда ВК, ПФ, ДП. Смещение языческой и монотеистической ОнВ наблюдалось лишь в тех случаях, когда общинные институты

⁴Диссертантом была выработана особая система шифровки того или иного явления, которое можно интерпретировать как «охота на ведьм».

осуществляли властные полномочия в рамках новой, государственной системы права либо когда общество находилось под сильным влиянием родоплеменных отношений.

Пятый параграф «Классификация природных явлений» посвящен средневековым конструктам, позволявшим разделять природные явления по их сакральному назначению. Также в нем анализируются способы научной классификации представлений о природных явлениях.

Рассматривается конструкт «казней и милостей Божьих», согласно которому изменения в естественной среде обитания могут являться следствием милости или кары Бога (богов). В языческие времена кару богов могло вызвать неверное исполнение обрядов. С проникновением авраамизма этот конструкт обретает этические черты.

Представления о том, что Бог может карать и миловать через природные явления, должны были быть распространены по всей авраамической Восточной Европе. В случае, когда Бог карает «верных» – это был повод задуматься над общественными прегрешениями, коллективно покаяться и, возможно, вспомнить о конце света. Однако довольно часто Бог карает именно врагов, что воспринимается как проявление Божественной благодати. Чаще всего конструкт уничтожения врагов «истиной религии» прослеживается в идеологических произведениях, основной аномалией для которых выступала война с представителями чужой религии (Галицко-Волынская летопись, Хроника Ливонии Генриха Ливонского).

Нейтральные по отношению к коллективу происшествия достаточно часто воспринимались как знамения. Предзнаменования носили обратимый характер и более поздний «знак» мог отменить предыдущий. В языческих представлениях знамения должны были напоминать приметы. В отличие от язычества в авраамизме основной функцией знамений было не предсказание будущего, а подтверждение истинности религии.

В свое время на древнерусском материале диссертант предложил несколько вариантов классификации природных знамений. Однако если говорить о классификации, применимой ко всем культурам, то получится выделить только два типа знамений: знамение как предсказание и знамение как символ святости / несвятости. Поэтому в основу универсальной классификации можно положить то, что от воли и сознания человека зависит в наименьшей степени – сами явления внешней среды обитания, которые та или иная культура интерпретирует как знамения. При этом можно выделить *космологические, оптические, метеорологические, биологические, географические, сейсмические* знамения. В целом же все наблюдаемые человеком природные явления (не важно, интерпретировались они как кара или как знамение) можно свести к двум типам: изменения, происходящие непосредственно в среде обитания человека и влияющие на его деятельность напрямую (*эколого-стихийные явления*), и явления, наблюдаемые на небе, на земную жизнь прямо не влияющие (*явления небесной сферы*).

В конце главы отмечается, что в Восточной Европе IX–XIII вв. основное идейное противостояние разворачивалось между новыми трибутарными

идеологиями и старыми, родо-племенными представлениями. Обращается внимание на различия происходивших культурных процессов в сравнении с другими регионами земного шара. Отмечаются основные концептуальные отличия представлений о природных явлениях язычников и адептов авраамических конфессий. Сравниваются языческие и авраамические представления об управлении природой духов и людей. Выявляется общее и различное в языческом и авраамическом взгляде на нейтральные, вредоносные и благоприятные для человека природные явления.

Во **второй главе** «*Явления небесной сферы (космологические и оптические)*» анализу подверглись представления о природных явлениях, наблюдаемых на небе и не влияющих на человека непосредственно.

Первый параграф «*Космологические явления в древнерусских летописях (историография)*» посвящен анализу исследовательских реконструкций древнерусских представлений о космологических явлениях. Чаще всего исследователи обращали внимание на представления о затмениях. По мнению исследователей, древнерусское население воспринимало затмения как недоброе предзнаменование (Н. Сенаторский, А.Н. Робинсон, А.В. Лаушкин, Д.В. Пузанов). Было замечено, что летописец сообщает, будто бы невежественные люди (язычники) видели в затмении поедание солнца. Еще в дореволюционной историографии это сообщение связали с фольклорными представлениями, согласно которым затмение луны и солнца происходит как результат поедания светил оборотнями – волколаками (А.Н. Афанасьев, Н. Сенаторский, Д.О. Святский). Было реконструировано представление, согласно которому затмение солнца предрекает князю смерть (Н. Сенаторский, А.Н. Робинсон, А.В. Лаушкин, Д.В. Пузанов).

Обращают на себя внимание и представления о других космологических явлениях. Было отмечено, что в падении метеоритов книжник видел летающих змеев, что находит широкие параллели в славянском фольклоре (А.Н. Афанасьев, Д.В. Пузанов). Кометы, по мнению ряда исследователей (Н. Сенаторский, А.В. Лаушкин), воспринимались как предвестники бедствий политического характера – мятежей или войн. Была отмечена роль космологических явлений в эсхатологической мифологии (Н. Сенаторский, А.В. Лаушкин).

Во **втором параграфе** «*Космологические явления в представлениях народов Восточной Европы*» анализируются представления о космологических явлениях у народов Восточной Европы в целом. Отмечается, что миф о поедании луны или солнца во время затмения был широко распространен в регионе. При этом светила мог поедать как демон, так и человек-колдун. Все небесные тела меньших размеров, чем луна и солнце, воспринимались у многих народов как звезды. Сообщая о кометах и некоторых других небесных явлениях, древнерусские книжники акцентируют внимание на лучах, исходящих от небесных тел. Эти лучи в восточнославянской традиции отождествлялись с волосами.

Отмечается, что вместе с распространением авраамических религий некоторые космологические явления (звездопады, затмения солнца) должны

были вызывать эсхатологические страхи. В то же время эти же природные явления могли вызывать страх, близкий к эсхатологическому, и в языческой среде.

Третий параграф «*Огненные и световые столпы в древнерусской летописной и житийной литературе*» посвящен анализу древнерусских представлений об «огненных столпах». Отмечается, что этот библейский образ играл важную роль в авраамических религиях, являясь символом теофании. На Русь образ пришел из Византии. В житийной византийской традиции огненный столп являлся символом церкви (храмов) и праведника – священника. И воспринимался как лестница на небо, явившаяся Иакову во сне. Иногда в представлении византийцев огненный столп воспринимался как зловещее знамение. Его могли рассматривать как символ апокалипсиса.

В древнерусской традиции имелись свои особенности восприятия огненного столпа. В отличие от византийской традиции его семантика на Руси была сугубо положительной. Здесь он также нередко меняет форму, превращаясь в дугообразную конструкцию. Когда столп представлен в форме дуги, то подразумевается, как правило, перенос святости с одного места на другое. Когда перенос не подразумевается, столп, как и в византийских житиях, имеет прямую форму «от земли до неба». Дугообразная конструкция столпа, возможно, символизировала небесный свод.

С символом огненного столпа сливались представления о световых столпах – в форме гало. В целом «огненный столп» в Древней Руси был полисемантическим символом, сочетавшим в себе следующие значения: 1) огонь – знак теофании, сияние; 2) столп – мировая вертикаль, связь с небом; 3) огненный столп, указывающий путь во тьме, – символ праведника, религиозного наставника. Особой темой для исследования является встречающееся в древнерусской литературе сопоставление огненного столпа с солярной символикой и фигурой князя. Такое сопоставление может иметь местные мифологические корни. Мифология народов Восточной Европы, действительно, имеет примеры представлений о солнце – мировой вертикали и о связи солнца со столбовыми и дугообразными конструкциями. Отмечается, что символ светового столпа мог в язычестве быть атрибутом одного из богов. Показаны связи огненного столпа и блуждающих огней, блуждающих огней и светил, блуждающих огней и культа мертвых.

В четвертом параграфе «*Дифракционные явления: венцы, гало*» анализируются средневековые интерпретации искажений солнечных и лунных лучей. Древнерусские книжники не отличали дифракционные явления от космологических. Так же как затмения, различные формы гало назывались знаменем «на солнце» или «на луне». Уменьшение и увеличение света воспринимались как особое свойство светил.

Гало могло восприниматься как свидетельство активности луны или солнца, вместе с их благотворным и пагубным влиянием. В Древней Руси верили, что эти небесные знаменья могли предрекать засуху и переход в любое качественно новое состояние (как правило, политического характера). Также гало были связаны с символикой князя. Вероятно, активность светил, соглас-

но древним воззрениям, должна была как-то влиять на судьбу правителя. В отличие от затмений, которые предрекали княжескую смерть, гало знаменуют (или сопровождают) княжеские победы, заключение мира или смену правителя. И хотя иногда искажения солнечных лучей книжник связывает со смертью князя, всегда в таких случаях явление не предрекает смерть, а фиксируется уже после нее как знак особой святости.

Гало также могло быть символом киево-печерских монахов. Главным образом, на подобные интерпретации влияли библейские представления о значении света. Так же как огненный столп, гало могло быть символом теофании и знаком нисхождения Святого Духа. В сакральной символике монастыря солярная и световая символика играла важную роль. Возможно, узурпируя княжеские символы, обитель также выражала свои обширные духовные и политические претензии.

Представление о связи гало с фигурами князя или клира известно также англосаксонской и скандинавской традициям. Схожие представления бытовали и в Волжской Булгарии. Англия, Скандинавия, Древняя Русь, а в какой-то мере и Волжская Булгария были близки по уровню социально-экономического и культурного развития. Сохранившиеся и изменившие свой первоначальный смысл представления о чудесном могли восходить к княжеско-дружинной мифологии, которая накладывалась на характерное для авраамизма прославление через свечение.

В пятом параграфе *«Люминесценция верхних слоев атмосферы»* анализируется сообщение Ибн Фадлана о двух вечно сражающихся на небе отрядах джинов. Вероятно, оно отражало представления населения Волжской Булгарии о сереном сиянии.

Еще А.П. Ковалевский обнаружил описанию Ибн Фадлана параллели в эстонском эпосе. Но не только у эстонцев северное сияние представлялось как битва героев, живущих на небе. Представление о северном сиянии как о небесной битве – достаточно развитый сюжет у прибалтийских и скандинавских финно-угров. Имеет некоторые параллели сюжет Ибн Фадлана с северо-германскими мифами.

В конце главы отмечается, что многие конструкты восприятия космологических явлений в средневековой Восточной Европе выходили за пределы одной культуры. Отмечается, что представление о северном сиянии как вечной битве могло стать результатом симбиоза северо-германской и финно-угорской культур.

Третья глава *«Эколого-стихийные явления»* посвящена анализу представлений о явлениях в нижних слоях атмосферы. Это среда, с которой человек соприкасался непосредственно. Явления в этой области могли нести с собой непосредственный вред, что, безусловно, влияло на их восприятие.

Первый параграф *«Грозы, дожди, бури»* начинается с анализа сообщения Ибн Фадлана о вере населения Поволжья в то, что гром наказывает грешников. Критически анализируется позиция А.А. Лушникова, который использовал данное сообщение для доказательства древности славянских

представлений о божьегромовержце, исполняющем будто бы роль небесного судьи.

Отмечается, что у славян было двойственное отношение к убитым грозой. Их могли воспринимать и как больших грешников, и, наоборот, – как праведников. Первые намеки на общественную полемику по поводу того, почему молния убивает людей, содержатся в Палее Толковой. В памятнике говорится, что понять, почему по воле Бога умирают те или иные люди, невозможно. Интересно упоминание в Палее детских смертей (в славянском и балтском фольклоре есть мифы об убийстве детей и отроков громовержцами).

Отмечается, что представление о положительном значении смерти человека от грозы могло быть у славян более древним. Карательные функции молнии прослеживаются в конструктах авраамической и иранской традиций. При этом у некоторых тюркских народов Поволжья идея громовержца-судьи выражена более однозначно, чем у славян. А значит, представления о судьегромовержце могли быть принесены в Поволжье иранской или авраамической традициями либо сформироваться у волжских булгар самостоятельно.

Отмечается, что вплоть до XIII в. у восточнославянских христиан бытовали представления об особом месте грозы и грома в ангельской иерархии. Палея Толковая в целях антиязыческой полемики лишала ангела грома антропоморфного образа, но не умаляла его значения. Адаптации языческих представлений в христианской картине мира способствовали апокрифы.

Грозы, дожди, бури часто рассматривались как один комплекс явлений. В авраамической традиции они часто являлись проводником божьего гнева. В то же время и в древнерусской, и в волжскобулгарской традициях грозы и бури могли играть роль знамения. Подобные представления в Средние века были распространены и за пределами Восточной Европы.

Во **втором параграфе** *«Явления, вызывающие недород: засухи, морозы, наводнения»* исследуются представления о стихийных бедствиях, таких как засухи, морозы, недород. В авраамической традиции все эти явления воспринимались как кара Божья. Христиане верили, что их преодолению может служить соборная молитва и крестные ходы.

В преодолении засухи важную роль играло использование имитативной магии и поклонение предкам. Причем подобные обычаи были характерны не только для язычников (в монотеистических религиях культ предков сменился культом святых).

Среди тюркских народов в исследуемое время были широко распространены представления о камне *яда*, влияющем на погоду. Славяне верили, что причиной неурожаев может быть неправильное захоронение покойников.

В **третьем параграфе** *«Сейсмические явления»* отмечается, что землетрясения в авраамических религиях воспринимались как предзнаменование конца света либо, вообще, недоброе знамение. В народной и книжной традиции Древней Руси в землетрясении видели предвестника войн и мятежей.

В древнерусской традиции встречается также скрытое сопоставление землетрясения с событиями распятия Христа. Подобные параллели исполь-

зуются в целях идеологической борьбы. Суздальский книжник подобным образом констатирует утрату Киевом святости и переход ее на Суздальскую землю. Во всех авраамических религиях землетрясение являлось символом воскрешения мертвых. В некоторых культурах (Древняя Русь, Хазария, норманны) грохот от землетрясения или вулкана сравнивался с громом, а гром мог представляться как небесное землетрясение.

Четвертый параграф «*Эпидемии и нашествия саранчи*» посвящен описанию представлений о стихийных бедствиях, провоцируемых живыми организмами. Наиболее частыми подобными бедствиями в Средние века были эпидемии и нашествия вредителей.

Интересную информацию о восприятии эпидемий содержит сообщение Повести временных лет об эпидемии в Полоцке. Книжник транслировал две интерпретации событий: народную, согласно которой причиной эпидемии явились всадники-мертвецы, и свою собственную, согласно которой подобные образы формировали в воображении людей бесы.

Представления о призрачных всадниках-мертвецах как причине эпидемии могли иметь скандинавские корни. Схожее с летописным описание эпидемии встречается в «Круге земном» Снори Стурлусона. Наибольшее фольклорное соответствие представлениям о всадниках-мертвецах содержится в скандинавской мифологии, особенно в воззрениях о «дикой охоте».

Воззрения о том, что причиной болезни могла стать активность мертвецов, были широко распространены среди народов Восточной Европы. Подтверждают это и древнерусские амулеты-заговоры. В некоторых из них отразилась трансформация греческого заговора, защищающего роженицу и ребенка. Этот заговор имел в своей основе апокрифические сюжеты о похищении детей женским демоном. В южнославянской среде основной вредитель греческих заговоров и апокрифов был заменен ведьмами и вилами (возможно, заложными покойницами – навьями). При этом вместо одного демона в южнославянских апокрифах фигурируют несколько вредоносных существ. На древнерусской почве заговор изменил функцию, превратившись в средство от лихорадки. Следует отметить, что подобная трансформация произошла на самых ранних стадиях проникновения южнославянского апокрифа в восточнославянскую среду. Вероятно, она была связана с тем, что заложные покойники – навьи вредили в народных представлениях не только роженицам и детям. В древности, возможно, отдельный вид заложного покойника мог вызывать определенную болезнь.

Магию амулетов использовали не только славяне. Большой интерес представляет заговор XIII в., написанный на карельском языке кириллицей. Исследователи интерпретируют текст как заговор от молнии (Ю.С. Елисеев) или болезни (В.Я. Петрухин). Последняя интерпретация более обоснована. Средневековый заговор схож с поздними заговорами от заболеваний у балтов, восточных славян и западных финно-угров. При этом в данных заговорах болезнь пугают молнией, которая может поразить ее. В некоторых вариантах молнию насылает бог-громовержец.

Кроме того, средневековый заговор носит следы заимствования идеи бога-громовержца-судьи из христианской религии, что еще раз подтверждает авраамическое происхождение завершенной формы конструкта.

Если заговоры были довольно эффективным средством борьбы от индивидуальных заболеваний, то эпидемии, так же как и стихийные бедствия, вероятно, требовали коллективных действий.

В официальной концепции авраамистических религий эпидемии в основном воспринимались как результат божественного гнева, как кара божья за коллективные прегрешения. Это положение, правда, не противоречило тому, что некоторые болезни насылались демонами. У различных народов Восточной Европы существовала вера в связь болезней с ветром, дождем, громом и молнией. Эти стихии, вероятно, могли и олицетворять болезнь, и излечивать от нее.

Нашествие саранчи последователи авраамизма воспринимали как кару Божью. Возможно, описание акридов в средневековой литературе связано с эсхатологическими страхами; также оно могло представляться как знамение половецких нашествий. О последних двух воззрениях, правда, можно судить лишь по косвенным свидетельствам.

В пятом параграфе «*Приметы биологического характера*» анализируются скудные сообщения письменных источников о приметах, связанных с изменениями в живой природе. Анализируется сообщение о найденном рыболовами мертвом ребенке с признаками уродства, помещенное в Повести временных лет под 1064 г. Отмечается, что и в христианской, и в языческой традициях рождение (обнаружение) уродцев считалось недобрый знамением. Такие воззрения носят универсальный характер. Сам летописец объясняет негативный характер знамения, ссылаясь на византийские хроники. Возможно, экскурс в греческую литературу понадобился летописцу для ведения антиязыческой полемики.

Анализируется примета, описанная Ибн Фадланом, согласно которой волжские булгары верили, что волчий вой предрекает обилие. Такие представления тесно связаны с особенностями кочевой культуры и могли иметь иранские или тюркские корни.

В заключении диссертации подводятся общие итоги исследования, намечаются перспективы дальнейшей разработки темы, сопоставляются реконструированные диссертантом базовые конструкты восточноевропейских язычников и последователей авраамизма, осуществляется попытка воссоздания схемы их взаимодействия.

Отмечается, что главное изменение, которое несли с собой монотеистические культы, – это создание картины мира со строго разработанной иерархией ценностей. Эта система легла в основу формирующегося государственного мировоззрения. Разные языческие концепты легко взаимодействовали друг с другом, но не составляли единой системы. Концептуальное единство региона начало формироваться только вместе с проникновением в регион авраамизма и эллинизма. Языческие концепты десакрализировались либо включались в новую сакральную картину мира в качестве реальности или

ирреальности в зависимости от того, были ли они способны перестроиться под эту иерархию. Политические, экономические, географические и культурные факторы предопределили особенности описанных процессов.

Дальнейшее развитие темы возможно за счет привлечения новых источников, незатронутых в работе (например, новых опубликованных данных полевой этнографии), и расширения предмета и хронологических рамок исследования. Предложенным в работе способом можно исследовать не только представления о природных явлениях, но и другие мировоззренческие конструкции. Предложенные интерпретации перспективны для будущих теоретических разработок. Дальнейшее развитие темы позволит лучше понять этапы формирования Восточной Европы как единого культурного региона.

**Основные положения и выводы диссертации отражены в
следующих публикациях автора**

*Статьи, опубликованные в ведущих рецензируемых научных журналах,
определенных ВАК при Минобрнауки России*

1. Пузанов Д.В. «Выбор веры» в Повести временных лет: стереотипы конфессионального восприятия в древнерусском обществе / Д.В. Пузанов // Вестн. Удм. ун-та. – История и филология. – 2014. – Вып. 3. – С. 67–75.
2. Пузанов Д.В. Солнечные и лунные гало в сакральной картине мира восточных славян XI–XIII вв. / Д.В. Пузанов // Ученые зап. Казан. ун-та. – Серия Гуманитарные науки. – 2015. – Т. 157, кн. 3. – С. 201–210.
3. Пузанов Д.В. В поисках финно-угорского следа: к вопросу об этничности участников движения волхвов 1071 г. в Ростовской земле / Д.В. Пузанов // Ежегодник финно-угорских исследований. – 2015 – Вып. 4. – С. 113–123.
4. Пузанов Д.В. Огненные и световые столпы в древнерусской литературе XI–XIII вв. / Д.В. Пузанов // Вестн. Нижегород. ун-та им. Н.И. Лобачевского. – 2015. – № 5–6. – С. 108–116.
5. Пузанов Д.В. Метеорологическая магия финно-угорских народов Северной и Восточной Европы глазами их соседей (по материалам письменных источников XI–XIII веков) / Д.В. Пузанов // Вестн. Удм. ун-та. – Серия История и филология. – 2016. – Т. 26, № 4. – С. 49–58.

Публикации в сборниках зарубежных международных конференций

6. Пузанов Д.В. Семантика образа «огненного столпа» в древнерусской литературе / Д.В. Пузанов // Дні науки історичного факультету: Матеріали V Міжнар. наук. конф. молодих учених: у 7-ти част.– Київ, 2012. – Вип. V, ч. 1. – С. 34–35.
7. Пузанов Д. Особенности восприятия природных явлений древнерусскими книжниками XI–XIII вв. / Д. Пузанов // Fiatal Szlavisták Budapesti Nemzetközi Konferenciája III. 3 rd Conference for Young Slavists in Budapest. – Budapest, 2014. – С. 222–225.

Публикации в других изданиях

8. Пузанов Д.В. Солнечные и лунные знамена в домонгольской Руси: стереотипы христианского и языческого мировосприятия / Д.В. Пузанов // XXXIX итоговая студенческая науч. конф.: материалы конф. (Апрель 2011 года). – Ижевск, 2011. – С. 410–411.
9. Пузанов Д.В. Знамена в домонгольской Руси в отечественной историографии / Д.В. Пузанов // Диалог культур и цивилизаций: Материалы

XIII Всерос. науч. конф. молодых исследователей. – Тобольск, 2012. – С. 133–136.

10. Пузанов Д.В. Солнечные и лунные знамения в домонгольской Руси: особенности христианского и языческого мировосприятия / Д.В. Пузанов // Белгородский диалог – 2012: материалы междунар. науч. форума молодых историков. Белгород, 5–6 апреля 2012 г. – Белгород, 2012. – С. 42–43.

11. Пузанов Д.В. Солнечные и лунные знамения в домонгольской Руси: особенности христианского и языческого мировосприятия / Д.В. Пузанов // Белгородский диалог – 2012: сб. избранных науч. трудов Междунар. науч. форума молодых историков «Белгородский диалог – 2012» (г. Белгород 5–6 апреля 2012 г.). – Белгород, 2012. – С. 47–52.

12. Пузанов Д.В. Антииудейская полемика в Древней Руси / Д.В. Пузанов // Социальная мобильность в традиционных обществах: история и современность: материалы Всерос. науч. конф. с международным участием, посвященной 90-летию со дня рождения профессора М.М. Мартыновой и 100-летию со дня рождения профессора Б.Г. Плющевского. Ижевск, 20–21 ноября 2012 г. – Ижевск, 2012. – С. 77–90.

13. Пузанов Д.В. «Выбор веры» в Повести временных лет: стереотипы конфессионального восприятия в древнерусском обществе / Д.В. Пузанов // Белгородский диалог 2013: материалы Междунар. молодежного науч. форума молодых историков. Белгород, 27–29 марта 2013 г. – Белгород, 2013. – С. 29–30.

14. Пузанов Д.В. Антииудейские произведения Древней Руси в современной историографии / Д.В. Пузанов // Мир истории: новые горизонты. От источника к исследованию. – Екатеринбург, 2013. – С. 92–94.

15. Пузанов, Д.В. Региональные особенности восприятия природных явлений древнерусскими книжниками XII–XIII вв. / Д.В. Пузанов // Третья Всерос. студенческая историко-регионоведческая конф. Санкт-Петербург, 18–19 октября 2013 года: доклады и сообщения. – СПб., 2013. – С. 20–24.

16. Пузанов Д.В. Невостребованный труд, опередивший время: к 130-летию выхода в свет монографии Н. Сенаторского «Вера древних русских христиан в небесные знамения» / Д.В. Пузанов // Историк в историческом и историографическом времени: материалы Междунар. форума, посвящ. 100-летию со дня рождения проф. А.С. Шофмана. – Казань, 13–15 ноября 2013 г. – Казань, 2013 – С. 336–339.

17. Пузанов Д.В. Эсхатологическая символика: влияние пророческих книг на восприятие знамений книжниками Древней Руси [Электронный ресурс] / Д.В. Пузанов // Материалы Междунар. молодежного науч. форума «Ломоносов-2013». – М., 2013. – 1 электрон. опт. диск (DVD-ROM). ISBN 978-5-317-04429-9.

18. Пузанов Д.В. Выбор веры мировые религии глазами древнерусского летописца / Д.В. Пузанов // Русская история. 2014. – № 2 (29). – С. 102–105.

19. Пузанов Д.В. Особенности восприятия природных явлений в раннем русском летописании и Киево-Печерская традиция / Д.В. Пузанов // Европа в Средние века и Раннее новое время: Общество. Власть. Идеология:

материалы Всерос. с междунар. участием науч. конф. молодых ученых. Ижевск, 2–3 декабря 2013 г. – Ижевск, 2014. – С. 51–60.

20. Пузанов Д.В. Огненный змей и его дети: к реконструкции славянского язычества / Д.В. Пузанов // Европа в Средние века и Раннее новое время: Общество. Власть. Культура: материалы Всерос. с междунар. участием науч. конф. молодых ученых. Ижевск, 2–3 декабря 2014 г. – Ижевск, 2014. – С. 7–15.

21. Пузанов Д.В. Гендерные роли основных персонажей восточно-европейских вариантов сюжета волшебной сказки «чудесные дети» (СУС 707) / Д.В. Пузанов // XI Конгресс антропологов и этнологов России: сб. материалов. Екатеринбург, 2–5 июля 2015 г. – Москва; Екатеринбург, 2015. – С. 478–479.

22. Пузанов Д.В. Проблема «карающего грома»: к интерпретации сообщения Ибн Фадлана о почитании грозы населением Волжской Булгарии / Д.В. Пузанов // Этносы и культуры Урало-Поволжья: история и современность: материалы IX Всерос. науч.-практ. конф. молодых ученых. – Уфа, 2015. – С. 109–113.

23. Пузанов Д.В. Мифология северного сияния в Поволжье X в.: этнокультурный аспект / Д.В. Пузанов // Европа в Средние века и Раннее новое время: Общество. Власть. Культура: материалы Всерос., с междунар. участием, науч. конф. молодых ученых. Ижевск, 1–2 декабря 2015 г. – Ижевск, 2016. С. 7–16.

24. Пузанов Д.В. Кого спасал Серапион? Охота на ведьм: мотивы поведения средневекового населения при выборе сакральной жертвы [Электронный ресурс] / Д.В. Пузанов // Материалы Междунар. молодежного науч. форума «Ломоносов-2016». М., 2016. – 1 электрон. опт. диск (DVD-ROM). ISBN 978-5-317-05237-9.

25. Пузанов Д.В. Эпидемии в Полоцке и Конунгхелле: визуализация болезни в средневековой культуре / Д.В. Пузанов // Европа в Средние века и Новое время: Общество. Власть. Культура: материалы Всерос. с междунар. участием науч. конф. мол. ученых, посвященной 70-летию кафедры истории России Удмуртского государственного университета. Ижевск, 6–7 декабря 2016 г. – Ижевск, 2017. – С. 22–28.